

ОТЗВУКИ СОБЫТИЙ

Первые Чтения памяти Я.В. Чеснова «Философско-антропологический подход к народной культуре: проблемы и перспективы развития»

(Обзор подготовили В.Х. Акаев, М.А. Пронин, Т.И. Селина)

Чеснов Ян Вениаминович (род. 16.10.1937 г. в г. Грозном – умер 28.12.2014 г. в г. Красногорске) – выдающийся антрополог и философ, основоположник антропологии антропоценоза. В 1956 г. поступил на Исторический факультет МГУ, специализировался на кафедре этнографии. Занимался культурой народов Китая, Индии, Индокитая. Первые студенческие экспедиции предпринял в Туркмению, Казахстан и Беларусь. После окончания университета в 1961 г. поступил в аспирантуру Института этнографии АН СССР. Кандидатскую диссертацию, посвящённую культурам народов Юго-Восточной Азии, защитил в 1965 г. Востоковедческие исследования обобщены в кн. «Историческая этнография стран Индокитая» (М., 1976; на немецком – Berlin, 1985).

С 1980-х гг. предпринимает более углублённые специализированные исследования на Кавказе. Проведены многочисленные длительные экспедиции к абхазам, разным группам грузин, особенно горным – к пшавам, хевсурам и др., абазинам, черкесам, кабардинцам, осетинам и др. Но особые усилия направлены на изучение цивилизации чеченцев и ингушей.

С 1990-х гг. вёл преподавательскую деятельность: руководство аспирантами, чтение лекций в МГУ, РГГУ, УРАО, в университетах США (Brown University, Providence, Rhode Island). Преподавательский курс издан в виде «Лекций по исторической этнологии» (М., 1998).

С 2001 г. начинает исследование антропоценоза и этнокультурного компонента человеческого потенциала России на личных полевых исследованиях в разных концах страны – на Северном Кавказе, в Ко-

стромской и Калужской областях, в наукоградах, в Москве. В его трудах предстаёт новая философско-антропологическая картина этнокультурного пространства России.

В дальнейшем основная тематика исследований посвящена философским основаниям цикла антропологических наук (собственно антропология, этнология, фольклористика). Впервые дан философско-антропологический анализ *виртуально-бытийной реальности*, раскрыты её агонально-бинарные свойства, что позволило обосновать *философское ядро круга антропологических дисциплин* (*Виртуалистика: философско-антропологический анализ*. Саранск, 2008).

С 2006 г. областью исследований, научных интересов философа становится переходная зона между внутренними антропологическим артикуляциями и внешним феноменологическим миром. Особое место в его интересах занимают исторические формы мышления и сознания, телесная проблематика (антропология телесности в норме и патологии, ментально-телесные экзистенции), включая биомедицину, проблемы биоэтики, витальности и здоровья в целом, а также эмбриологии, ювенологии, геронтологии, экологической среды (культурных ландшафтов) и аристократизма (*Телесность человека: философско-антропологическое понимание*. М., 2007).

Для междисциплинарного подхода Я.В. Чеснова характерно сочетание обширнейших конкретно-антропологических и этнографических знаний (особенно по народам Кавказа) с оригинальным философско-антропологическим подходом к их осмыслению. Открытое им направление в антропологии получило название антропологии антропоценоза (*Народная культура: философско-антропологический подход*. М., 2014.)

По оценке рейтинга Интелрос «София 2008–2013», Я.В. Чеснов входит в группу из 30 виднейших интеллектуалов России, успешно работающих в гуманитарной и социальной областях знания, оказавших влияние на интеллектуальный ландшафт России.

8 декабря в Институте философии РАН состоялись первые Чтения памяти Я.В. Чеснова «Философско-антропологический подход к народной культуре: проблемы и перспективы развития». Организаторами чтений стали Институт философии РАН, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Чеченская Республика, Мурманский арктический государственный университет.

Антрополог и философ Я.В. Чеснов (1937–2014) в течение своей научной деятельности изучал самые разные регионы мира, где предметом его исследовательского интереса неизменно оказывалась народная культура. Им были охвачены Юго-Восточная Азия и Сибирь, Центральная Россия и Кавказ. Он изучал бытование народной культуры как в сельской местности, так и в современных городах, в разных возрастных, социальных, гендерных группах, её материальные, визуализированные и ментальные формы, повседневные и ритуализированные практики. И всё это осмыслялось в философско-антропологическом подходе.

Первые чтения памяти Я.В. Чеснова посвящены проблематизации философских и научных достижений учёного с целью разработки программы изучения его творческого наследия – линии, которая проходит сквозь все его работы и связана с философско-антропологическим подходом. Тематика чтений охватила широкий круг проблем:

1) Архив Я.В. Чеснова как проблема творческого наследия учёного

Я.В. Чеснов оставил обширное научное и философское наследие – более 300 опубликованных работ и архив учёного, который представляет большой интерес: он содержит рукописи 5 книг, 182 дневника, которые учёный вёл на протяжении своей жизни, подготовительные материалы к написанию монографий и статей, материалы полевых экспедиций.

2) Изучение народной культуры как философского наследия народа: подход Я.В. Чеснова

В творческом наследии Я.В. Чеснова народная культура – это прежде всего этническая память, хранящая самобытные ценности народа, скрытые в культурной традиции. Жизнь меняется, но неизменны принципы веры и языка чести, которые в наше распоряжение предоставляет народ. Охватывая весь путь многовекового развития, народная культура донесла до нас «философское наследие народа: полёт его мысли, мировоззрение и этнический менталитет». Без этого нельзя помыслить самоопределение современного человека по отношению к этнической традиции.

3) Исходные принципы «авторской методологии» Я.В. Чеснова в сфере антропологии и этнологии (этнографии)

Ситуация антиномичности или парадоксальности мышления и знания являлась фундаментальной для учёного. Она давала почву для появления его методологической позиции: проблематизации оснований сначала этнографии, а затем этнологии и антропологии, реконструкции предположений народного антропологического мышления, критики развития языка и создания новых терминов. Я.В. Чеснов был интересным мыслителем-антропологом, который оставил нам проблему мышления народной культуры. Поэтому его работы так интересны и захватывающи. Недаром его книги были ориентированы на массового думающего читателя.

4) Проблемы трансдисциплинарности в сфере гуманитарной антропологии

Общей исследовательской установкой Я.В. Чеснова было построение «Большой антропологии, метафизической» с использованием знаний из различных предметных областей (этнология, культурная и социальная антропология, социология, логика, этика, эстетика, мифология, психоанализ, фольклористика, краеведение, сакральная география, виртуалистика, феноменология Хайдеггера, герменевтика, экзистенциализм, квазиисторические исследования мышления и т. п.). По сути он работал в проблемном поле трансдисциплинарности и создал собственные техники, приёмы, способы и средства описания мышления народной культуры, новый язык трансдисциплинарности, имеющий огромный эвристический потенциал для культурной антропологии, этнологии, фольклористики и всего корпуса гуманитарных наук в целом.

5) Философское и методологическое ядро антропологии Я.В. Чеснова

Возникновение постнеклассической антропологии мы связываем с работами Я.В. Чеснова. Его творческое наследие невозможно осмыслить в рамках существующих устоявшихся парадигм в этнологии. Предстоит узнать, что стало основанием столь глубокого преобразования в антропологии (этнологии) как дисциплине, что послужило той точкой бифуркации, которая изменила аттрактор развития этнологии и позволила создать философско-антропологический подход к народной культуре. Важно обозначить место теории и подхода в конфликте парадигм при переходе к постнеклассической антропологической рациональности и науке.

6) Техника мышления и объект народной культуры в творческом наследии Я.В. Чеснова

Я.В. Чеснову удалось реконструировать народную культуру средствами философско-антропологического подхода, что до сих пор не удавалось сделать другим исследователям. В основе этого лежит отличие в технике мышления учёного от всей феноменологической антропологической традиции (Э. Дюркгейм, Л. Леви-Брюль, М. Мосс, М. Мид). Антропологическое мышление Я.В. Чеснова отличается набором используемых технических приёмов, используемой им «поисковой мыследеятельностью». Ответ на вопрос «В чём же специфика техники мышления Я.В. Чеснова?» может быть дан не в терминах техник, а в терминах содержания объекта – сложной реальности народной культуры.

7) Гуманитарно-антропологическое мышление в горизонте современных технологий и вызовов времени

На основе конкретного опыта Я.В. Чеснова или конкретных следов его антропологического мышления необходимо построить обобщённое представление об антропологическом мышлении в техническом горизонте. Тем самым решается вопрос: каким образом техники мышления, возникшие у антрополога Я.В. Чеснова при работе со сложным объектом народной культуры, обобщить и перенести на другие типы ситуаций, т. е. на другие объекты и на другие задачи – философские, теоретические, методологические и практические в сфере гуманитарного знания.

В обсуждении проблем философско-антропологического подхода в творческом наследии Я.В. Чеснова приняли участие философы, культурологи, специалисты в области виртуалистики, методологи, искусствоведы, фольклористы, менеджеры инновационных образовательных практик, преподаватели вузов, тьюторы, аспиранты, молодые исследователи, интересующиеся проблемами гуманитарной антропологии.

Открыл чтения **доктор философских наук, заведующий сектором гуманитарных экспертиз и биоэтики П.Д. Тищенко** – руководитель подразделения Института философии РАН, в котором работал до последнего дня Я.В. Чеснов. П.Д. Тищенко поблагодарил всех собравшихся на конференции коллег за участие и готовность выступить, почтить память Я.В. Чеснова в преддверии годовщины со дня его смерти с родными и близким кругом коллег. Рассказал об удивительной тактичности Я.В. Чеснова, энциклопедичности как учёного, широком диапазоне его мировоззренческих находок как философа и антрополога. Поделился своими личными воспоминаниями об этом уникальном философе и человеке.

Второе вступительное слово было от **доктора философских наук В.Ч. Акаева** – о Я.В. Чеснове как об уроженце Чечни, любившем её и Кавказ, посвятившем свою научную жизнь чеченцам, адыгам, ингушам, абхазам и другим народам Кавказа. Он рассказал о том, какая задача стоит перед учёными в освоении наследия Я.В. Чеснова, полученных им в ходе экспедиций в локальных частях этого региона этнографических материалов, хранящихся в его архиве.

Он особо подчеркнул, что достижения Яна Чеснова в изучении народной культуры «кавказской цивилизации», например чеченцев, опираются на исследования его предшественников, но они также результат его собственного осмысления эмпирического материала и оригинального авторского видения этнокультурных, ментальных особенностей народов Кавказа. Всё это особенно важно в контексте тех социокультурных изменений, которые происходят сейчас в России, в современной интеллектуальной сфере и в глобальных процессах. И он высказал надежду, что учёные Чеченской Республики, особенно молодые, в память об этом замечательном человеке и учёном освоят всю глубину постижения народной культуры, отличающую его философско-антропологический подход.

Руководитель исследовательской группы «Виртуалистика», кандидат медицинских наук М.А. Пронин в своём докладе «*Чеснов Я.В. в Институтах человека и философии РАН*» рассказал об истории «появления» Я.В. Чеснова в Институте человека РАН (ИЧ РАН), о его вхождении в пространство работ Центра виртуалистики ИЧ РАН, о первой экспедиции Я.В. Чеснова в Парфеньевский район Костромской области в рамках разработки проблематики развития «человеческого потенциала» – одного из ведущих направлений исследований ИЧ РАН, о первых публикациях работ Я.В. Чеснова «под грифом» трудов Центра (Чеснов Я.В. Парфеньевские бабы, или Антропология женского тела. Виртуальный сценарий. М.: Путь, 2003. 28 с. Тр. Центра виртуалистики. Вып. 23). Докладчик отдельно остановился на палитре проблематики исследований Я.В. Чеснова в институтах человека и философии. Прочитал одну из «историй о Чеснове» «Почем верблюды в Заире?», опубликованную в одной из его работ (Пронин М.А. Водка-менеджмент, или Антропология русского застолья // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 4 / ИФ РАН. М., 2010. С. 211–233). В завершение доклада М.А. Пронин поделился планом своих исследований, посвящённых той же теме.

Доктор философских наук, проф. П.С. Гуревич в своём докладе «*Феномен традиции в философском наследии Я.В. Чеснова*» рассказал о давней статье Яна Вениаминовича в «Независимой газете». Он отметил, что эта статья, посвящённая чеченскому этносу, произвела на него сильное впечатление. В ней рассказывалось о социальной структуре чеченского этноса, о тейпах, о традициях чеченского народа. Кроме того, проводилась идея о том, что именно урбанизация совлекла европейское человечество с благотворного пути традиционного общества. Докладчик отметил, что труды выдающегося философа Я.В. Чеснова пронизаны глубочайшим пиететом перед традицией. В наши дни едва ли не всеобщего увлечения инновационизмом роль традиции по существу утрачена. Приоритетность традиции в социальном устройстве была по сути дела сметена в минувшем столетии вариантами модернизации, экономического роста. Под традиционным обществом стали понимать наиболее архаичные этнокультурные образования, которые в основном изучались этнографами. Суть традиционных обществ связывалась с единообразием, неизменностью. Но Я.В. Чеснов показал, что социальная и культурная организация многих традиционных систем отличается чрезвычайным разнообразием. В то же время выяснилось, что многие традиционные общества, вставшие на путь модернизации, получили странный результат. Произошёл распад общественных систем, разрушение культурных стандартов. В своих замечательных трудах Я.В. Чеснов показал, что традиция выражается не в том, что она противостоит переменам. Традиция выражает некие неизменные, универсальные константы человеческой жизни. Мы можем обнаружить её во всех культурах и во всех социумах. Основные универсалии константы человеческой ис-

тории, такие как общественный прогресс, вечность жизни, круговорот экосистем, утрачивают своё значение в современном нестабильном мире. Между тем обожествление экономики – сравнительно недавний феномен. Ведь на протяжении многих этапов человеческой истории экономика не играла решающей роли в судьбе человечества. Роль стабилизатора брали на себя религия, культура, философия, идеология, искусство.

В книге Я.В. Чеснова «Народная культура» есть глава «Концепт человека (компетентность и традиция)». Такое же сопоставление есть и в книге проф. Гречко П.К. «Онтотологический дискурс современности. Историческая продвинутость и её вызовы» (М., 2015). Однако позиции этих двух философов диаметрально противоположны. П.К. Гречко полагает, что традиционное общество не располагает компетентностью. Оно архаично и заслуживает интереса лишь как факт истории. Взгляды Я.В. Чеснова иные. Он показывает, что в современном обществе именно специализация приводит к некомпетентности. Культ традиции напротив связан с поиском социальной стабильности, устойчивости, гармоничности разных пластов общественного устройства. В известном контексте слова «традиция» и «стабильность» – синонимы. Я.В. Чеснов рассматривает традицию как не до конца реализованный проект. В этом контексте оказывается, что очередные востребованные властью программы, направленные на углубление социальных контрастов, однобокое технологическое преобразование, отвержение нравственного измерения истории непригодны для нынешней российской ситуации.

Докладчик отметил также интерес французских философов к традиции. В работах Ж. Батая, Сл. Жижека традиция рассматривается как сохранность универсалий, как сокровищница коллективного опыта многих поколений, прошедших по земле. Я.В. Чеснов – наш отечественный Леви-Стросс. В его работах нашли глубинную трактовку многие темы, связанные с традицией: её сущность, её многоликость, её востребованность. Он отмечал, что реконструированная модель интериоризованной компетентности требуется для сопоставления с научными представлениями. Весьма ценны его мысли о роли антропологического воображения. Эта тема сейчас приобрела актуальность в связи с попытками дать образ совершенного человека. П.С. Гуревич отметил также, что философское наследие Я.В. Чеснова заслуживает обстоятельного и разностороннего изучения.

Доктор философских наук Э.М. Спирина посвятила свой доклад «*Я.В. Чеснов об исторической судьбе этносов*» анализу феномена этноса в истолковании Я.В. Чеснова. Она отметила, что речь идёт об исторической судьбе этноса как феномена. Приверженцы глобализма полагали, что в ходе универсализации исторического процесса этносы исчезнут. Они толковали этническое сознание как данность, которая мешает стремительному разбегу прогресса и поэтому нуждается в устранении. В частности, проф. П.К. Гречко пишет о том, что «этническая примор-

диальность – это помочи, которые консервируют состояние бытийной несамостоятельности человека». Я.В. Чеснов, напротив, считал, что этносы обладают поразительной стойкостью, глубинной универсальностью традиций и вряд ли готовы к быстрому растворению в глобальном котле. Действительно, как показал Я.В. Чеснов, признавая новые экономические реальности, этносы в то же время стремятся сохранить свою идентичность в прежнем виде. Эта тенденция совпала с феноменом, который сложился в рамках теории познания и получил название конструктивизма. Оказалось, что этносы в основном отстаивают не ядро собственной идентичности, а право на переменчивость своего жизненного контекста. Именно это и оказалось неожиданностью для социальных философов. Одно дело – тяга к традиции, зафиксированная социологами, культурологами и психологами. Иное дело, когда обнаружилось, что идентичность как феномен выражает глубокую труднонасыщаемую потребность отдельных социальных общностей в сооружении разного рода конструктов. В ответ на глобалистскую тенденцию этносы действительно отстаивают свой «особенный жизненный контекст». Но он зачастую вообще не связан с «голосом крови», а выражает неожиданные мифологемы, которые обслуживают потребность этносов выделиться, обозначиться, предложить свой подчас парадоксальный образ.

Я.В. Чеснов показал, что формирование нации или этноса предполагает прежде всего опору на социальные исторические факты. Однако современная трактовка этноса включает в себя и анализ работы воображения, который используется в социальном конструктивизме. Представители модернистских теорий, как отмечено Я.В. Чесновым, либо не различают и поэтому отождествляют национальное и этническое, либо рассматривают нацию как наиболее сложную форму этнической общности в ряду цепочки – род, племя, народность, нация. В основе этноса неизменно усматривается ведущий экономический фактор. Гражданское понимание наций отвергается. Постмодернисты, напротив, недооценивают исторические детерминанты, обращают основное внимание на фиктивность, иллюзорность всяких национальных образований. Проблема этничности рассматривается в мировой литературе в разных аспектах. В современном мире эта тема приобретает особое значение, что вызвано главным образом такими процессами, как массовая миграция, когда в моноэтнические регионы постоянно вливаются разного рода мигранты, отличающиеся по расовым, этническим, социокультурным признакам и традициям, что существенно осложняет обстановку как во всём регионе, так и в каждой из сфер общественной жизни. Сегодня на Западе получила особую актуальность политика мультикультурализма, направленная на сохранение малых этнических групп с их традициями и обычаями. Культурная идентичность строится в современном обществе не на обязательных и неизменных предписаниях, определяющих до мелочей жизнь индивида в группе, а на свободе выбора каждого,

дающей возможность постоянно реконструировать социальную реальность, изменять её образующие смыслы, значения и цели. Обозначенные вопросы требуют какого-то иного подхода хотя бы в силу своей парадоксальности и неожиданности. Такие понятия, как этнос, нация, конструктивизм, идентичность, безусловно, нуждаются в переосмыслении. Для понимания этих процессов нужен какой-то новый исследовательский ракурс. Это и стало истоком замысла Я.В. Чеснова рассмотреть этнос в системе философско-антропологического знания. Такие темы, как утрата идентичности, иллюзорная самоидентичность, национализация, плюральность разумов, которые репрезентируют разные культуры, ментальность, человеческая природа и др., требуют свежего концептуального осмысления. Эти разнообразные проблемы получили глубокую разработку в творчестве выдающегося исследователя Яна Вениаминовича Чеснова.

Доктор философских наук В.Х. Акаев представил свой доклад «*Ментальность народов Кавказа в исследованиях Яна Чеснова: философско-антропологический подход*». Он обратил внимание на основную мысль Я.В. Чеснова о народной культуре: на её уровне нет абстрактных понятий, а есть ментальные организованности «как бы понятия», всегда имеющие избирательный характер. Под такими организованностями понимаются представления, образы, мислеобразы. В культурогенезе, по мысли антрополога, задействованы природное начало и целевой образ, что создаёт единый мислеобраз. Отсюда такое понимание народной культуры, прилегающей к природе и работающей мислеообразами.

В выступлении отмечено, что в работах Я.В. Чеснова антропологическим основанием народной культуры становится биоэтический статус человека. Как самостоятельная система ориентаций в мире она онтологична, восприимчива и переменчива, её метафизика ситуативна. В субстанции человека есть элементы растения, животного и минерала. Народная культура ненормативна, биоэтична, онтология человека расширяется в ней до пределов вселенной.

В докладе особое внимание обращено на полевые исследования Я.В. Чеснова на Кавказе, на его этнографические экспедиции в Грузии, Абхазии, Балкарии, Чечне и в др. регионах страны. Он изучал обычаи, традиции, ментальные особенности абхазов, абазин, балкарцев, грузин, кабардинцев, карачаевцев, чеченцев и ингушей в тесной связи с природой, ландшафтом, со всем ареалом их материального и социокультурного существования. Формы их культур – это составная часть их существования, она находится в гармонии с климатом, ландшафтом. Образ жизни кавказцев, как и многих народов мира, слит с природой, ею определяется.

Особое внимание докладчик обратил на парадоксальность народной культуры Я.В. Чеснова. В своих поисках он опирался на таких методологов науки, как Пол Фейерабенд, Томас Кун, Имре Лакатош, Николо Абаньяно, английского этнолога А. Рэдклиффа-Брауна, американского этнографа Клиффорда Гирца, отечественного мыслителя М.М. Бахтина.

Русалки, дочери бога охоты, описываемые Я.В. Чесновым в мифологии абхазов, балкарцев, не являются проявлением пралогичного мышления. Они результат того, что мышление этих этносов облачено в онтологическое сознание как следствие наличия в человеке разумной души. Интересны наблюдения и выводы Яна Чеснова об этике народов Северного Кавказа, определяемой им как косвенная коммуникация. В качестве демонстрации своей позиции он приводит пример из этической культуры чеченцев: отец ругает ни в чём не повинную дочь вместо того, чтобы сделать замечание снохе. Этот этический сюжет зафиксирован в поговорке чеченцев: «Ала йо1е, хазийта несе» («Скажи дочери, чтобы услышала сноха»). Отцу как старшему в семье не подобает делать замечание снохе, поскольку она недавно пришла из другой семьи, где имеются свои порядки, обычаи. Снохе нужно время, чтобы она успешно адаптировалась к ценностям новой семьи, а потому старший, чтобы её не обидеть, отчитывает свою дочь.

Антропологические поиски Яна Чеснова, как отмечено в докладе, обращены к изучению образа жизни чеченцев, их ментальных, психологических особенностей, выявлению смысла этических ценностей. В выступлении приводится случай, когда этнограф попадает в неловкое положение, нарушая этическое табу, задавая своему другу-чеченцу вопрос о том, как он относится к женщинам. Тот отвечает: «Нет, всё-таки ты не чечен». В народной культуре чеченцев есть табуированные темы. И это знает каждый чеченец. Поэтому такой вопрос был неуместен, бестактен, несмотря на то, что его задавал антрополог. Подобные вопросы, особенно в присутствии родственников жены, своих родственников, да и не родственников, чеченцы никогда не будут обсуждать. В народной культуре это табуированная тема. Существует табу и на мат в адрес матери, сестры, жены. Это с самого детства известно представителю этого этноса.

Лучший знаток чеченской народной культуры, Ян Вениаминович Чеснов всегда проводил демаркационную линию между этнической культурой чеченцев и своей собственной как учёного, полемика, антрополога, пытающегося понять глубинные ценности народа, который он полюбил и который его принял. Он хотел добраться до оснований народной культуры, этического кодекса чеченцев. Хотя это невозможно, но он превзошёл всех, кто пытался осмыслить эту проблему.

В чеченских семьях учат вежливости, этикету, уважительному отношению к старшему. Употреблять выражения, оскорбляющие личность, просто недопустимо. Но один известный режиссёр, объясняя воинственность, агрессивность чеченцев, заявил, что чеченцы кладут под подушку ребёнка кинжал. Кинжал носили, но не клали под подушку спящего ребёнка. Мыслеобраз, созданный режиссёром, работает на усиление негативного экстраобраза чеченцев.

В докладе приведены размышления Я.В. Чеснова о способе его работы: «Для изучения целостности социальной жизни этнограф мобилизует своё не понятийное, а то мышление, в котором фигурируют “как бы понятия”, т. е. в ментальном плане концепты (константы) самой культуры, а в плане реалий культуры “тематизмы” Различение констант и тематизмов – первый шаг работы этнографа».

Ментальность формируется на основе природных и культурных, эмоциональных и рассудочных, иррациональных и рациональных, индивидуальных и общественных феноменов и их проявлений. Потому их содержание объёмно, многогранно, многоуровнево. У народов Кавказа преобладает тип людей с выраженными этнопсихологическими и этноповеденческими особенностями, для которых характерны проявления индивидуальных чувств, сила воображения, значительная чувствительность, почитание культа предков, мифопоэтические ценности и т. д. В их ментальности особое место занимает родовое, тайповое, джамаатское, групповое сознание, а в целом национальное сознание. Но это вовсе не означает, что кавказцы не могут рассуждать абстрактно, поступать рационально, разумно.

На менталитет народов Кавказа оказала влияние эволюция общих основ совместной жизни, общий язык, общие представления и общезначимые нормы поведения. Чеченцы, которые были лишены возможности самостоятельно управлять своей территорией, обществом, сохранили исторические предания, переживания, представления, знания о своём социальном и культурном развитии. Но они не имеют общей концепции своего бытия.

Ментальность кавказских этносов формируется на основе активности их членов, предприимчивости, самосознания и осознании своего «Я». Тематика исследований Я.В. Чеснова обширна. Она сопряжена с изучением образа жизни, быта, хозяйства, ментальности, мировидения, этногенеза и культурогенеза народов Кавказа. Он изучал этническое

восприятие времени и пространства, отношение этноса к природе и сверхъестественному, понимание возрастов человеческой жизни, трудовую мораль и отношение к богатству и бедности, мир эмоций человека. Его обвиняли в том, что он идеализирует чеченцев, не придерживается негативного экстраобраза «злого чечена», хищника, разбойника. Созданный в XIX в. образ перекочевал в современность, но теперь это бандит, террорист, исламист.

Я.В. Чеснов так объяснял свою профессиональную позицию антрополога. Если антрополог решил заниматься этикой какого-то народа, он совсем не обязан вникать и освещать проблемы коррупции, власти или уголовщины. Но он должен быть внимателен к общественному отношению к подобным вещам. Названные пороки не менее нетерпимы в чеченской культуре, чем в какой-то другой. Сейчас меняется внутренний образ народов (интраобраз – представление народа о самом себе). Этнологическая наука играет в этом положительную роль. Что касается чеченцев, то наука призвана собрать воедино всю нравственную традицию народа, чтобы ему же её вернуть, но уже как документ, как доказательство его огромного культурного потенциала. Этнология и особенно то её направление, которое занимается народной этикой, служат будущему. Мировому сообществу пора обратить пристальное и доброжелательное внимание на одну из загадочных и прекрасных цивилизаций, которая дала человечеству своё понимание этики.

Чеченский этнос, его культуру Я.В. Чеснов изучал изнутри. Не так эклектично, как, например, его коллега по цеху, сконструировавший чеченцев из этнографического мусора. В докладе отмечено различие между мыслеобразами чеченцев Яна Чеснова и его критиков. Они различаются по своей методологии и пониманию культуры.

Американский антрополог Клиффорда Гирца, на работы которого так часто ссылался Я.В. Чеснов, определяет этнографию как «насыщенное описание», в котором необходима сила научного воображения, открывающего нам жизнь, культуру чужого народа. Такое насыщенное описание в своих работах, посвящённых народным культурам, давал Ян Чеснов, и сила его научного воображения поразительна.

Мысль его работает масштабно. Так, он пишет, что в *древнерусском и древнегреческом, чеченском и грузинском языках* представлено не историческое мышление (надо полагать, что он имеет в виду линейное движение от прошлого к настоящему), а осмысление виртуальных социально-нравственных проблем родины. В этих языковых вариантах отражена забота о совершенствовании человека.

Он изучает этнос с его эзотеризмом, пытаясь выявить глубинное, потаённое, его душу. В центре его исследования – человек, этнофор, которого нужно принять таким, какой он есть, и понять его. Для этого он применяет методы герменевтики, а сам он утверждает, что в своей работе применяет «скользящую, корректирующую методологию».

Ему было ясно, что народная культура находится в умах и сердцах людей, а потому уделял большое значение беседе, живому разговору, юмору, поговоркам, преданиям, общению, смеху, мужскому застолью.

Вахит Акаев в своём выступлении даёт высокую оценку творческого наследия Яна Чеснова. Его сложно читать. В его мыслях нет строгой линейности, последовательности, формально-логической выраженности. Его мысль объёмна, набухает, как почка на дереве, завязывает бифуркационные энергетические узлы, разматывание которых проложит новый научный путь, создаст новые концепции. Он шёл к написанию фундаментальной работы о народной культуре, поместив в её центр человека с его мировидением, ментальными особенностями, со всеми его экзистенциальными проблемами, имеющими как локально-региональный этнический, так и глобальный характер.

Стендовый доклад *кандидата исторических наук С.-М. Хасиева «Когда ценности сходятся в эссенциале»* посвящён Яну Чеснову – земляку, коллеге и другу. Тёплые слова о Яне, близком человеке и выдающейся личности, согреты любовью к его памяти. Ян был личностью во всём и личностью многогранной. Особенно ёмко его мировоззрение и натура проявились в его последней статье «Самобытные ценности России с точки зрения антропогенеза», опубликованной в «Независимой газете», – о разбросе ценностей россиян, – к написанию которой он шёл всю свою непростую жизнь. Лишь он мог всё это увидеть и осмыслить – редко кто на это способен.

Доклад посвящён теме, которой С.-М. Хасиев и Я.В. Чеснов занимались вместе, – ценностям чеченского этноса. Много раз они подступали к коренной личности «Къонах». Понимали, что решение этого вопроса многое объяснит. Но человек всегда остаётся таинством. С древности человек именовался наместником Всевышнего на Земле, высшей ценностью.

В своём докладе С.-М. Хасиев предлагает новый принцип для шкалы ценностей чеченского этноса. Эти ценности восходят к традиционной культуре «Лам хадор» (в переводе – «перевалить гору», т. е. преодолеть её). Известен и женский вариант – «Шад бастар», что в переводе означает «развязывания». Эти гендерные полюса культуры имеют разную векторную ориентацию. С.-М. Хасиев вместе с Я.В. Чесновым пытались найти общий знаменатель этих двух полюсов культуры. Но многие ценности, которые раньше считались первостепенными, не попали даже в первую тройку. Именитые «Маршо, Сий, Яхь и т. п.» оказались на проверку не алмазами, а стекляшками.

В основу шкалы ценностей положен мыслеобраз «древа жизни» с его космизмом, с делением мира на верхний, солнечный и подземный миры. Этому принципу подчинено всё – тело, жилище, всё мироздание в целом. Ему подчинены общепринятые физические формы проявления духовного. Очень долгое время, как отметил С.-М. Хасиев, они путали эти формы проявления духовности с этническим.

В докладе предлагается следующая шкала ценностей чеченцев:

1. Адамалла – *человечность* /крона/
  2. Къинхетам – *милосердие* /ствол/
  3. Ларам – *уважение, почитание* /корни/
-
1. Гилкх – *этикет* /крона/
  2. Оьздалла – *благородство, внутренняя культура* /ствол/
  3. Собар – *терпение, выдержка* /корни/
-
1. Юьхь – *лицо, начало* /крона/
  2. Иэс – *память* /крона/
  3. Иэхь – *совесть, стыд* /крона/

Что в первую очередь привлекает нас в человеке? Конечно же, его лицо – «Юьхь». Что отличает его от всего остального живого мира? Конечно же, память – «Иэс». У животных есть инстинкт и нет необходимости в выборе. Человек же всегда стоит перед выбором. И его главная черта – это совесть «Иэхь». Есть совесть – есть человек, нет – нет его самого. Это основание человеческого в человеке.

Ценностная шкала чеченцев получила следующую форму: Къонах – Нахчо – Адам. Причём последний термин не просто наименование двунного существа, а первозданная персона – Адам, который сотворён из звучащей глины (дословно «зевне сацкъарх»), душу в которого вдул Всевышний. К нему призвана вся ангельская рать, где выявлен Тот, «кто на путях его будет подстергать соблазнами». Второй термин звучит несколько непривычно. Он означает не этническое, а надэтническое, мировоззренческое понятие. А под термином «къонах», как оказалось, скрывается Всечеловеческая персона «младшего брата, зольного героя и т. п.». Возможно, это и есть формула Человека, открыть которую мечтали они с Яном. Как бы он радовался этому.

В заключение С.-М. Хасиев отметил, что Ян Чеснов был верным и преданным сыном Чечни. Он думал, что уйдёт первым, но и здесь Ян опередил его.

Кандидат исторических наук Т.И. Селина свой доклад «*Стратегия архивных изысканий творческого наследия Я.В. Чеснова*» посвятила методологическим проблемам изучения философского и научного наследия учёного. Это первая попытка ввести в научный оборот теоретико-методологические принципы и средства философско-антропологического подхода Я.В. Чеснова к народной культуре, техники и приёмы мышления антрополога, способы его работы. На материале личного архива исследователя представлены философские основания его «авторской методологии». Особое внимание обращено на записи в его последнем дневнике о специфике его подхода к антропологии как «поисковой мыследеятельности» и «тезаурусной герменевтике». Эти два репера и определили стратегию реконструкции творческого наследия учёного, который работал не с этнографическим и антропологическим материалом, а со смыслами. И эти смыслы возникали, когда сталкивались два материала (факта). В исследованиях Я.В. Чеснова антропология поставляла смыслы, а философская антропология делала из них экзистенциалы и экзистенции. Смыслы были для него результатом антропологии, философская антропология доводила их до этики.

В своём выступлении Т.И. Селина предложила системный подход к рассмотрению наследия учёного как техники антропологического мышления, что позволит выйти к проблеме построения концепта-конфигуратора. Для этого необходимо особым образом синтезировать представления и методы работы Я.В. Чеснова в ментальном поле ряда антропологических дисциплин с целью охватить в рамках единой предметности столь широкий круг исследовательских проблем в его творчестве. Предстоит узнать, что стало основанием столь глубокого преобразования ментальной антропологии (этнологии) как дисциплины, что послужило той точкой бифуркации, которая позволила учёному изменить аттрактор развития этнологии и разработать новую научную парадигму постнеклассической науки – философско-антропологический подход к народной культуре.

В докладе прослежена методологическая линия становления философско-антропологического подхода к народной культуре как органа гуманитарной антропологии. Я.В. Чеснов работал в точках разрыва между витальной онтологией и онтологией культурогенеза народной культуры, сакрально-божественного и проблем человеческого бытия. Замысел его последней неопубликованной книги «Антропоценоз. Реконструкция средствами народной культуры» посвящён философским аспектам культурогенеза на материале народной культуры, который трансформировался затем в осмысление проблем антропоценоза – «ценоза человека в нуминозной среде», «соприсутствия человека в локальном пространстве». В своих последних работах учёный расширяет рамки философско-антропологического подхода: развивает специальную теорию антропоценоза и предпринимает шаги по использованию средств народной культуры для реконструкции антропоценоза.

Ход его мысли при выстраивании нового предмета исследования шёл от специфики методов и методики полевой работы. Метод включённого наблюдения, существующий в полевой антропологии, следует, по его мнению, дополнить личным наблюдением, а лучше всего ввести особые приёмы и средства в профессиональную деятельность антрополога – «способность его к внутренней и внешней инверсии». Но если изменяется метод, то выстраивается новый предмет – антропоценоз.

Разработка новой научной парадигмы и последующее осмысление философских оснований нового направления в антропологии привели учёного к осмыслению проблем философско-антропологического подхода к народной культуре. Он проводит распределение прежних оснований науки, и задаётся её новый предмет – «этнический менталитет, философское наследие народа», изучение которого «начинается в небе, где аламыс образует стену вокруг рая». Эта позиция учёного задаёт место и структуру рефлексивной сборки по обобщению опыта его полевой и методологической работы. Он обращался к синтагмам и синтагматическому распаду, к распределению и разоформлению, к редупликации О.М. Фрейденберг и к ментальному пространству, к трансдукции и топологии, к семиотике и тезаурусной герменевтике, к мыследействию и табло континуальности, к рефлексивной петле и гуманитарным технологиям. Но что отмечается в докладе – Я.В. Чеснов был лишь в начале пути по парадигматизации своих способов работы.

На протяжении всей своей творческой жизни он был занят поиском нового подхода к антропологическому материалу: к парадоксам и аномалиям другой культуры, добытым в поле, в живом общении и взаимодействии с людьми. Его методы полевой работы открыли путь к новым образцам мысле-коммуникативного антропологического поля. Он разрабатывал новые способы включённого наблюдения, иное понимание практики и методики полевой работы, изобретал собственные средства коммуникации и способы решения задач-головоломок. Он развивал в себе способность к видению иной системы ценностей, всеобщего в особенном. Новый предмет исследования – человек в антропоценозе – это был следующий шаг в разворачивании философско-антропологического подхода. И в основу этого метода была положена не логика восхождения от абстрактного к конкретному, а «логика абстрактного (присутствия человека) как конкретного», как отмечал учёный в своей саморефлексии.

В работах Я.В. Чеснова народная культура говорит с нами языком инверсий, описания телом. Эта культура использует тело в качестве описывающей системы, что лишает нас возможности выхода в рефлексивную позицию по отношению к ней. Она становится неоперабельной. И в этом, по мнению Я.В. Чеснова, таится огромная её опасность.

Мир народной культуры Яна Чеснова – это антропоценоз, помещённый в ментальное поле народной культуры. Работая с телом, народная культура делает его средством личности. А родовое тело берёт на себя функцию описывающей системы по отношению к описываемой системе внутреннего тела.

Предметом исследования последней неопубликованной книги Я.В. Чеснова стало «отложенное присутствие человека». Вот последняя запись в его дневнике: «Антропоценоз – с чего начинается человек. С этического присутствия или отсутствия? На базе невидимых смыслов (культуры), а не инстинктов». Антропоценоз – это та плазма, без которой нельзя помыслить человека. Новый язык и способ описания антропоценоза и культуругенеза народной культуры – это то, что хранит для нас научное и философское наследие Я.В. Чеснова, без чего нельзя помыслить самоопределение современного человека к этнической традиции, его выбор между традиционализмом и рефлексивным традиционализмом. И в этом ему помогают работы Я.В. Чеснова.

Другая линия методологических исследований связана с разработкой принципов и методов работы с личным архивом Я.В. Чеснова. Специфика данного архивного комплекса требует разработки стратегии архивирования материалов, методологических изысканий, начиная с проблематизации оснований и принципов архивирования и заканчивая программой методологических исследований особенностей антропологического мышления и способов профессиональной деятельности антрополога. Это позволит разработать критерии и принципы формирования личного фонда-коллекции Я.В. Чеснова.

Систематизация и типологизация материалов, обоснование разделов описи, выделение проблемного и тематического ядра архива, подготовка и создание рабочей версии описи архива (топики архива) и введение в научный оборот материалов архива Я.В. Чеснова представляет самостоятельную и важную методологическую и практическую задачу.

Потенциально этот архив является источником для изучения личности учёного и его вклада в становление отечественной философско-антропологической мысли, в разработку междисциплинарных проблем сферы гуманитарной антропологии, включая методологию философско-антропологического подхода к народной культуре. Требуется создание базы данных для большого массива материалов с комфортным интерфейсом и информационно-справочным сопровождением. Необходимо издать рукописи, а статьи и книги философа должны стать объектом методологических исследований российских антропологов.

Программно-проектный и проектно-исследовательский подход к архивированию уникального комплекса материалов позволит охватить творческий путь философа и оценить значение его культурного наследия для развития философско-антропологического подхода к народной культуре.

Ситуация принципиально меняется, когда к работе подключается такой «игрок», как государственный архив личных собраний. При этом возможны два подхода в организации архивных изысканий творческого наследия Я.В. Чеснова – с позиции исследователей-пользователей и работников государственного архива. Описание материалов для их сдачи в государственный архив подразумевает совсем иные цели, чем у пользователей архива. Выстраивается логистика конфликтующих позиций. Архив следует описывать с позиции не только хранителя, но и пользователя творческого наследия Я.В. Чеснова. Необходимо иметь стратегию работ, не редуцируя ни к одной из позиций.

Требуется соорганизация целей на различных этапах работы с архивом, что предстоит сделать практически, а в данный момент проектно. Предлагается стратегия скольжения (дрейфа) по позициям в ситуации гетерогенности – как в своё время назвал её О.И. Генисаретский – «стратегия сплавщика» (образ сплавщика леса на реке), трактуемая как контролируемый дрейф по различным позициям без жёсткой идентификации с ними. В результате складывается набор таких технологий концептуализации, которые допускают различные способы комбинирования и не задают одну-единственную последовательную траекторию перехода от одного к другому – так что оказывается возможным осуществление различных их сборок и развёрток. Это методологическое воплощение гибкого и пластичного решения для объединения нефундаменталистским образом множественного в нередуктивном единстве и прослеживания их взаимодействий.

Это соответствует тому принципу работы Я.В. Чеснова, которого он придерживался интуитивно. Топологическая организация его мышления пронизывается данной гипотезой и может быть взята в качестве рабочей версии по выстраиванию виртуальной онтологии архива.

На сегодня государственные архивы описывают материалы формально – по хронологии, тематике и типам документов (письма, дневники, карточки, подготовительные материалы), что значительно затрудняет содержательно-поисковую работу пользователей. Для понимания способов и средств организации пространства архива необходима реконструкция его конфигурации, что во многом связано с особенностями развития исследовательской программы учёного на различных этапах его жизни.

В заключение докладчик изложил концепцию реконструкции философского архива Я.В. Чеснова. Личный архив сохранил для нас особенности мышления и способы организации исследовательской деятельности Я.В. Чеснова. Целостность архиву придают принципы работы с ним учёного – его тематика и топика, синтагматика и парадигматика. Весь материал архива разбит на объекты и предметы исследования, средства и методики и т. д. Тематизмы положены в основание виртуального классификатора архива. Каждый тематический ящик-коробочка мар-

кирован тематическими разделителями, благодаря чему весь материал группируется и виртуально имитирует «разъятую телесность» народной культуры, о которой так много писал Я.В. Чеснов. Виртуально архив-музей существует в аттракторе потенциального исследования, и это позволяет ему не рассыпаться. И только проведя квазиисторическую реконструкцию творческого наследия Я.В. Чеснова, мы сможем не формально, а содержательно-тематически, проблемно описать его архив. Это основной принцип реконструкции философского архива.

Затем выступил **доктор философских наук, профессор А.А. Попов** с докладом «**Гуманитарная антропология: к проблеме практического мышления**», в котором он рассмотрел понятие практики в различных философских дискурсах: в античной традиции, в немецкой классической (Кант, Фихте), марксистской и французской философии (П. Бурдьё). А также определил место гуманитарного мышления по отношению к практическому действию.

В выступлении отмечено, что понятие практики включает в себя не только преобразование субъектом внешних условий своего существования, но и порождение и преобразование самого субъекта деятельности. В античной традиции такое понятие практики возникает в связи с обсуждением темы *добродетели* как системного качества субъекта социокультурного пространства полиса; в связи с отношением субъекта к осуществляемой им деятельности и к самому себе, осуществляющему эту деятельность, независимо от того, является ли деятельность его собственной либо он является проводником чужого замысла. Действие практическое, направленное на реализацию идеи Блага, принципиально отличается от всякого другого действия. Это действие нетранзитивное. Его смысл определяется не его результатом, а его отношением к трансцендентальным основаниям, определяющим целостность места бытия человека.

В марксистской философии под понятием практики подразумевается специфический человеческий способ бытия в мире или деятельность, которая обладает сложной системной организацией. Она включает в себя:

- 1) реальное преобразование внешней среды при помощи искусственно созданных орудий и средств;
- 2) общение людей в процессе и по поводу этого преобразования;
- 3) совокупность норм и ценностей, которые существуют в виде образов сознания и обеспечивают целенаправленный характер практической деятельности.

Кант рассматривает *практическое* действие (в соотношении с практическим разумом) как действие прежде всего этическое. Для Канта, как в дальнейшем и для Фихте, принципиально определение человеком собственного действия как *поступка*, который не подразумевает схемы, но несёт в себе свой принцип как *максимум*, императив, могущий

выступить всеобщим законом. Установление индивидуальностью этого всеобщего закона как закона *для себя* и есть, согласно Фихте, основное содержание самоопределения.

Системомыследеятельностная методология рассматривает практику как изменение рамок и горизонтов мышления и деятельности в контексте развития. Антропологический пафос (П.Г. Щедровицкий) подхода связан с представлением о способности мышления преодолеть машинные формы мыследеятельности, выстроить акт развития за счёт опор в рефлексии, с возможностью рефлексивно дистанцироваться от собственной деятельности, понять её как схему, которая может быть изменена. В соответствии с корпусом текстов системомыследеятельностного подхода представления о практическом мышлении и практическом действии строятся по отношению к историческим процессам смены понятийных систем (формаций), организующих общественное сознание и самосознание людей. Выделено три типа практик:

1) связанные со сменой систем знания, передающихся по каналам трансляции;

2) связанные со сменой понятийных структур, непосредственно организующих сознание в процессах коммуникации;

3) связанные со сменой форм социальной организации знания.

В системном подходе работает три типа структур: места, связей, организованности материала.

Как отмечено в докладе, практики, направленные на оформление механизмов и процессов исторического развития понятий, разоформляют и оформляют сознание в единицах культуры (форм мышления), что приводит к появлению новых понятий, систем знаний, профессиональных сообществ (А.П. Зинченко).

Одновременно практика – это сила, трансформирующая вовлечённый в неё человеческий материал и конституирующая его в антропологических схемах. Особое внимание уделяется *практикам тела*, социализирующим и окультуривающим натуральные формы человеческого существования. П. Бурдьё выделил особые телесные организованности, *габитусы*, продуцирующие практики. Они представляют собой ансамбли субъектных значений и совокупность объективных, овеществлённых структур.

Структура практики понимается Бурдьё как система «телесных» образований (в том числе знаковых и символических), определяющая пространство и цели ситуативных действий и одновременно устанавливающая субъекта практики и предписывающая смысл этих действий. При движении в практике по отношению к её субъекту эти образования задают точки интенсивности, в которых разворачивается практическое мышление. Смысл практики порой не виден внешнему наблюдателю, особенно если он принадлежит иной культурной традиции.

Выступающий провёл сопоставление характеристик теоретического и практического мышления, определил место гуманитарного мышления в современной интеллектуальной сфере, отношение его к проблеме практического мышления. В современной ситуации содержание сложных комплексных практик не может быть схвачено в традиционных формах объектного мышления, и даже в его высшей форме – в теоретическом мышлении. Для этого необходимы другие формы и типы мышления, которые нормированы по другим принципам и организованы иначе, чем теоретическое мышление. Сегодня складывается социокультурная ситуация, подобная той, в которой работали философы и учёные XVII века, когда они создавали новые онтологические представления о мире природы и заложили основания системы естественно-научного знания. Сегодня должны быть созданы принципиально новые онтологические представления о мире и заложены основания для развития системы гуманитарных (практических) знаний, обеспечивающих действие.

Встаёт вопрос: когда и при каких условиях знаковая форма реально определяет мышление и деятельность людей? В объектно-описательных интерпретациях остаётся неконтролируемой граница между желаемым и действительным, а отношение знаковых форм и реально функционирующих (развивающихся) систем мышления и деятельности если и постулируется, то сводится к функциональному отношению знаковых же описаний. Так происходит приписывание статуса реальности одному из описаний и исследуется соотношение «реальности» и всех остальных описаний. Понимание, что «реальность» есть лишь приписываемый концепт, приводит к появлению рядов несводимых друг к другу «историй», «тенденций», «прогнозов».

Кандидат искусствоведения И.П. Уварова в своём докладе «*Балаган – кривое зеркало культуры*» касалась такого явления народной культуры, как балаган, который может быть выведен за пределы зрелища и вписан в иные области знания. По сути в докладе поднята проблема рассмотрения балагана как явления духовной культуры в культурной антропологии, у российских модернистов, в литературоведении.

Так что такое балаган? Чаще всего это временная постройка на масленичных гуляниях, где могут показать несусветную диковину, устрашающую и нигде более не виданную, однако она не только пугает, но и вызывает смех. Там можно морочить зрителя лукавым и неприятным обманом, и надувательство лишь рассмешит одураченную толпу. Но балаган как кривое зеркало культуры в пространство ярмарочной площади не вмещается. Хотя это зеркало представляет что-то опасное, тревожное, дурное, но изображает его в виде искажённом и комическом – на балаганный площадной манер. Здесь страху противопоставлен смех.

В докладе на примере преддверия сатанинского бала в романе «Мастер и Маргарита» анализируется ситуация, когда страх и смех оказываются бок о бок и присутствует кривое зеркало, искажая всё в шутовском

духе. По мнению И.П. Уваровой, связь смерти и смеха – тема не театроведческая, а антропологическая, она отсылает нас в доисторические времена, где нет не только театра, но и культуры.

В докладе приведён диалог между режиссёром Юной Вертман и М.М. Бахтиным об истоках идеи карнавала. Для Бахтина она восходит не к философии, а к знаниям антропологов, полярных экзистенциалистам. Антрополог А.Г. Козинцев, изучивший природу смеха, отметил, какое ключевое значение придавал Бахтин различным формам фамильярного телесного контакта в феномене карнавализации, считая, что корни карнавала уходят в дочеловеческое прошлое. Сама идея великой роли смеха в процессе антропогенеза смутила философов. В глазах историков и политологов личность Бахтина вызвала подозрение, а описание безудержного карнавального разгула бросала тень на нравственность народа.

Интерес к феномену балагана возник у И.П. Уваровой под влиянием образа карнавала, театральных новаций Мейерхольда начала XX века, восходящих к древней европейской зрелищной культуре. В ту пору в театре искали источник энергии, способный преобразовать мир. И пытались постичь опыт прошлого – и европейские мистерии, и фракийские ритуалы, и античный театр, и японский. «Человек серебряного века знал всё» (В. Скуратовский). Мейерхольд ставил спектакли по схеме и контуру мистерийных европейских зрелищ. Он пришёл к пониманию *универсальности балаганной комики для различных культур*, вечности балагана и бессмертности его героев. «Карнавальный человек» более всего ценил школу площадного итальянского балагана – ужимки и прыжки профессиональных балаганщиков, кувырканья, обманные палочные удары.

В докладе прослежена антропологическая линия в изучении балагана. Балаган сохранил первочеловеческое – смех вдвоём (Л.А. Абрамян). Эта первошутка проявится в комедии дель арте, попадет в репертуар клоунов и достанется эстрадным комикам. «Ложный выпад» (термин Козинцева), «понарошку» – особая игра, основной закон балаганного обмана, переводящий конфликт в игровой регистр. Это возможность обойти конфликт, поменяв оценку событию, чреватому угрозой, в сторону розыгрыша, это шанс изжить конфликтную ситуацию в смехе. Тынянов в романе «Смерть Вазир Мухтара» описывает случай на петербургских балаганах, когда балаганщик нахально надул толпу зрителей, но одураченная толпа вместо скандала и заслуженной расправы над обманщиком хохочет!

Литература открывает скрытый взгляд автора на предельно напряжённый сюжет, от которого мы можем ждать опасности, угрозы, беды. «Тут действуют законы клоунады и звучит балаганная нота» (Честертон). Балаган, возникающий в поле литературы и театра, в трагический момент осуществляет «перевод стрелок» от трагедии в направлении комедии (роман Курта Воннегута «Бойня № 5»). Нет более известной

сцены в мировой драматургии, чем сцена на кладбище в «Гамлете». Она могла бы служить эпиграфом к теме доклада: могильщик находит череп королевского шута – бедный Йорик поджидает гроб Офелии.

Особое место в докладе отводится идее смеха над смертью в народной культуре. Ни одно народное гуляние не обходится без комических старцев – это мощь молдавского села, старик-гробокопатель в русской народной драме «Царь Максимилиан». Они и есть покойники, покинувшие могилы в час карнавала, чтобы поучаствовать в празднике. Они комичны, олицетворяя смех над смертью. Характер их реплик, поведения, да и сама профессия наводит исследователей на мысль о скоморохе, который в давние времена стоял при покойнике, сквернословя и паясничая – так полагалось провожать на тот свет.

А.П. Назаретян, антрополог, психолог, философ, назвал выжившее племя «сумасшедшими гоменидами», у которых противоестественно развитое воображение «обернулось склонностью приписывать мёртвому свойства живого». Это и стало причиной зарождения духовной культуры. Погребальные обряды всех народов строятся на двух противоположных чувствах: печали по поводу расставания с дорогим покойником и страха перед его возможным возвращением. Это нашло выход в ритуальных действиях, ставших спасительными формами коллективного переживания. «Три великих религии были основаны человечеством как способ защиты от преследования мёртвых» (К. Леви-Стросс).

Душевная скорбь по умершему отражена в мифе о Деметре и Персефоне, об Орфее и Эвридике, что свидетельствует о невозможности смириться с мыслью о вечной разлуке. Эти чувства выразил философ Н.Ф. Фёдоров – о неизбежности всеобщего воскрешения. О громадной тоске по бессмертию, движущей человечеством, писал В.Я. Пропп.

Как отмечает докладчик, духовная культура произросла на границе двух миров. К мёртвым проникают единицы, вроде шамана. Но возможно общение с миром умерших при отправлении ритуалов (Сыркин). Это было и в элевсинских мистериях, охраняемых тайной. В религиозной символике трагедии М.С. Альтман видит «всемирные мистерии нисхождения в Аид». В движении мистов в глубины мрачного царства Плутона обязательно появление шута на пути души в страшном пространстве мёртвых (М.С. Альтман), ибо без него «хрупкая душа разбилась бы о трагедию» (В.И. Иванов). В мистериях новопреставленная душа оберегалась разными шутами. Шуты сменялись, но их пост при беззащитной душе сохранялся.

И.П. Уварова обратила внимание на роль шутихи Ямбы (Иамбы), рассмешившей безутешную Деметру. В знак скорби богиня у гробового входа собиралась проклясть жизнь на земле, но ситуацию спас непристойный жест Ямбы. Прямое дело шута – спровоцировать смех в присутствии смерти, поскольку смех и смерть – «два великих уравниателя» (А.Г. Козинцев). О.М. Фрейденберг назвала смех метафорой смерти в фазе возрождения.

В заключение докладчик ставит вопрос о судьбе балагана в культуре постмодернизма. Если не останется того, что может быть спародировано, а балаганный юмор начнёт редуцироваться, то существование балагана окажется под угрозой. Когда натура и карикатура на неё равны, передразнивать становится нечего. Балаганный смех, перестав быть разрушителем, – неминуемо отомрёт.

Кандидат искусствоведения Н.Ю. Данченкова в своём докладе «*Актуализация методологических принципов Я.В. Чеснова и некоторые проблемы изучения народной культуры: традиционная плачя – медиатор между отделами культурного континуума*» подняла проблему философско-антропологического подхода к такому феномену народной культуры, как традиционная плачя.

В выступлении отмечены радикальные коррективы, которые вносит в методологию наук о человеческом творчестве методологический подход Я.В. Чеснова. Введение философского дискурса в комплекс научных направлений (этнологии, фольклористики) позволяет преодолеть их описательность, дискретность, оснащая исследователей действенным научным инструментарием, продуктивно «работающим» при изучении изменяющейся культурной реальности, места, роли и значения в ней человека, специфичной и сложной для научной рефлексии философии народной культуры.

В докладе особо подчёркивалось целостное, глубоко новаторское представление Я.В. Чеснова о народной культуре как живом организме, чуждом схематизма и застылости, способном перерабатывать и органично соединять архаику и нововведения. «Креативное изобилие способов решения жизненных проблем», генетически присущее народной культуре, заставляет её неустанно идти в ногу со временем. Чем и обусловлены многие наблюдаемые свойства и характеристики народной культуры, которые противоречат нормативным установкам фольклористики, считающей основными чертами народной культуры (и народного творчества) традиционность, консерватизм и изустность. Я.В. Чеснов, напротив, утверждал (и доказал многими своими работами), что народная культура неотделима от письменной трансляции и несводима только к устной традиции, она интимно-витальна, онтологична, в высокой мере перформативна и театральна (сценична).

Справедливость взглядов Я.В. Чеснова как нельзя лучше подтверждает изучение русской народной плачевой культуры (причитаний). Вопреки устоявшимся мнениям этнографов и фольклористов, считавших причитания древним обрядовым, закрытым для новаций, женским, ретранслирующим архаическую систему представлений фольклорным жанром, современные полевые исследования показали иную динамику жизни жанра и его структурообразующих доминант. На сегодня уже установлено, что русский народный плач – жанр, чутко реагирующий на культурную ситуацию, вызовы времени и изменения культурно-ис-

торического контекста. Тесно связанные с мифологическими представлениями, народные причитания взаимодействовали с древнерусским книжным жанром плача, с духовно-религиозными покаянными плачами. В советское время, в эпоху разрушения церковей, атеизма, народный плач вошёл в круг жанров, включаемых в состав деревенских домашних молений по усопшим, что способствовало преобразованиям жанровой плачевой поэтики. Плакальщицы, благодаря которым были записаны плачи в конце XX – начале XXI вв., являли собой особый тип носителей культурной традиции. Хорошо владея устной традицией плача и будучи одновременно верующими воцерковленными людьми, они привнесли в народный плач сильную религиозную (духовную) струю. Однако система православных религиозных представлений была ими адаптирована к народным мислеобразам.

Другой путь расширения и трансформации жанра – через внедрение плакальщицами тематических, лексических и прочих нововведений, почерпнутых из СМИ, радио- и телевидения. В результате язык причитаний оказался расширен и приближен к современной речи, изменилась моделируемая в плачевом тексте система пространственно-временных представлений и т. п. – но доминирующий жанровый паттерн «особый тип речи, слышимый на этом и том свете» не утратил своего значения, а, напротив, актуализировался. Тем самым была прояснена особая сложная, не только обрядовая (медиатор между этим и тем светом), но и культурная – медиатор между областями культурного континуума – функция народной плачеи.

В заключение выступления Н.Ю. Данченкова отметила, что подходы и методы Я.В. Чеснова обладают особой продуктивностью и обещают в будущем не только новые открытия, но и пересмотр существующих представлений.

Кандидат философских наук В.М. Воронов в своём докладе «*Экзистенция: холод (на примере практики «моржевания»)*» обратил внимание на перспективность экзистенциально-антропологического аспекта проблематики телесности в творческом наследии Я.В. Чеснова. При этом возможно расширение фактуального контекста философско-антропологических исследований с сохранением главной интенции творчества Я.В. Чеснова – рефлексивного осмысления фактического материала. Это будет стимулировать развитие прикладных исследований – применение экзистенциально-антропологической методологии не только к этнологической, но и к другой проблематике. Откроются возможности для использования более широких оснований (не только специфики народной культуры) для философского обобщения.

На примере экстремальной практики «моржевания» в докладе был показан экстатический и виртуально-витальный её характер. Методологическим основанием для этого стали синтез и интерпретация идей виртуальности и витальности Я.В. Чеснова и экстаза С.С. Хоружего.

В.М. Воронов также отметил уникальность творческого пути Я.В. Чеснова в антропологии: от исследовательской стратегии, связанной с конкретностью исторического и эмпирического (полевого) материала, к собственной философско-антропологической рефлексии, доступной только свободному и живому уму.

Кандидат медицинских наук Ю.Т. Яценко в своём выступлении рассказала о нескольких встречах с Яном Вениаминовичем Чесновым в Институте философии в исследовательской группе «Виртуалистика». Ю.Т. Яценко отметила, что Ян Вениаминович всегда живо интересовался вопросами медицинской виртуалистики болезней зависимости, которыми она активно занимается с 1980 года. Его интересовали этнические, культурные и родовые корни её пациентов, культурная среда их обитания, место рождения и жительства, где они начали употреблять алкоголь и психоактивные вещества – по месту рождения, откуда они прибыли, или по месту пребывания, во время краткосрочного или длительного пребывания в Москве и Московской области. Ян Вениаминович также обратил внимание на физические, энергетические (места рождения и аномальные зоны в них) корни пациентов, образовательный ценз и интеллектуальный уровень людей, вставших на путь алкоголизации и наркотизации в разных этнических группах. Это уже целое новое направление в наркологии, где были бы проанализированы все эти факторы в анализе алкоголизации и наркотизации разных народностей.

Последняя встреча с Я.В. Чесновым незадолго до его ухода из жизни произошла на круглом столе в Институте философии, посвящённом наркотическому препарату спайс. Ян Вениаминович рассказал о некоторых регионах нашей страны, традиционно связанных с выращиванием конопли, что способствовало наркотизации населения ещё в советское время. В личной беседе он посоветовал Юлии Тимофеевне проанализировать зависимость между частотой алкоголизации и наркотизации людей и смешанными браками: проследить, насколько чаще становятся наркоманами или алкоголиками люди из пар одной национальности или из смешанных браков, не связанных со своей культурной средой и местом рождения. И исследования действительно показали, что в смешанных браках чаще и быстрее формируется алкогольная и наркотическая зависимость. Но Ян Вениаминович не нарколог! Так он подсказал интересное направление в исследованиях, цель которых – профилактика наркотической и алкогольной зависимости. Беседовать с Яном Вениаминовичем было чрезвычайно интересно, он был учёным с «космическим мышлением» и большим чувством юмора, с высоким интеллектом и с обширными знаниями в разных областях науки. Ян Вениаминович поистине был гениальным и космическим человеком. Уход его из жизни – большая личная потеря для всех нас. Хочется надеяться, что весь научный материал, собранный им в экспедициях, дойдёт не только до научных кругов, но и до широкого круга читателей.

Доктор медицинских наук Г.П. Юрьев, эксперт по биосоциальным проблемам личности, в прошлом главный научный сотрудник группы «Виртуалистика» ИФ РАН в своём выступлении рассказал о написанной им статье «Разгадка души русского народа», посвящённой светлой памяти Яна Вениаминовича Чеснова, известного антрополога (именно так он просил позиционировать своё место в науке в ссылках на его работы), энциклопедиста, удивительного знатока человеческой природы и социальных институтов мировой культуры.

На тему души они с Яном Вениаминовичем часто и много дискутировали. Георгий Петрович всегда поражался энциклопедичности и основательности его знаний. Все свои технологические разработки в области виртуалистики он всегда обсуждал с Яном Вениаминовичем перед тем, как публиковать их. Именно так произошло с авторским методом пиктополиграфической и цветографической эгоскопии, который позволяет измерять то, что недоступно для традиционной психологии и социологии, что является нравственной, морально-этической основой души человека и порождаемых в ней моделей практических действий.

Саму идею измерения коррелятов души Ян Вениаминович подсказал ещё в 2006 году после знакомства с методом эгоскопии. Когда он прошел стандартное тестирование и увидел результаты, то заявил: «Георгий! Так этот аппарат душу может измерять, надо только составить специальный тест». Совместно они составили сценарий теста «Душа», который оказался очень информативным и полезным для испытуемых.

К сожалению, из-за преждевременной и скоростижной смерти Яна Вениаминовича не удалось обсудить результаты исследований, приведённые в статье «Разгадка души русского народа». Он бы дополнил авторскую интерпретацию антропологическими дискурсами, всегда очень неожиданными и ценными. Лишь одно его высказывание об архаичных культурах, что «черты и аналогичные персонажи вроде колдунов считаются не имеющими спины или они полы и потому бездушны» (Чеснов Я.В. Человек: маска или марионетка? // Человек. 2004. № 3. С. 89–105), позволило дополнить принципиально новым инструментом терапевтическую работу с биосоциальными и эгосоматическими проблемами людей. В заключение своего выступления Георгий Петрович произнёс слова благодарности своей счастливой творческой судьбе, которая свела его в жизни с Яном Вениаминовичем Чесновым – великим учёным.

Выступление Л.Я. Чеснова по скайпу из США «*Типология свайных построек: Индокитай и Америка*» было посвящено типологии свайного жилища. Эта тема возникла в связи с осмыслением статьи Я.В. Чеснова «О специфике свайных жилищ Юго-Восточной Азии» (Советская этнография. 1965. № 3. С. 59–69). Сегодня Л.Я. Чеснов занимается строительством. Рынок занятых в этой индустрии – место работы иммигрантов со всего мира. Это прекрасное место для разговора с информантами из многих частей света. Так детский интерес к полевой этнографии получил здесь своё приложение.

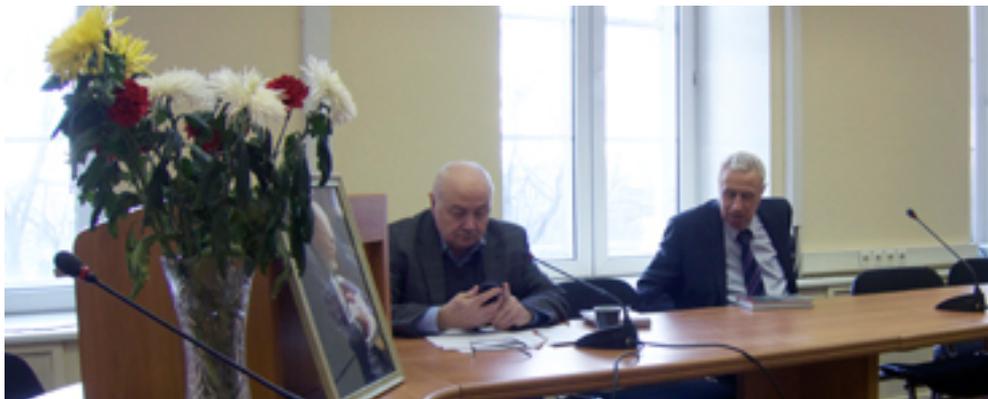
Причина строительства свайных построек – риск наводнений, ураганов, цунами либо других климатических условий, предопределяющих цель такого строительства – защиту от стихии, экстремальных природных явлений.

Выступающий отметил, что в США почти у каждого ребёнка есть мечта иметь «дом на дереве». Его строит отец, обычно напротив окон на кухню, чтобы мать могла видеть своё чадо. Создаётся место уединения, которое находится под защитой и надзором взрослого. Домики небольшие, поэтому кроме ветвей их подпирают и сваи.

Естественно, что в районах, пострадавших от всемирно известных наводнений, сейчас строят дома на сваях. Рациональная причина этого вполне очевидна. Но есть и другие традиции – проводить медовый месяц после свадьбы в индейских жилищах, построенных на сваях. Опыт такого проживания «испытал на себе» и докладчик, обратив внимание на русский обычай уединения молодых на сеновале.

Далее он остановился на подобных антропологических явлениях в других странах и точках мира, связанных с религиозной жизнью: в частности, Семиона Столпника. Указал на аналогию проекта водружения статуи Ленина на здании Дома Советов в Москве. Обратил внимание собравшихся, что новый Красный зал заседаний в Институте философии РАН тоже почему-то волею судьбы оказался на последнем, шестом этаже.

Это было его первое выступление в столь высокой аудитории, по материалам которого он намерен подготовить статью.

В заключение выступил **член-корреспондент РАН, доктор философских наук Б.Г. Юдин** с коротким словом о своей первой встрече с Я.В. Чесновым, о его приёме на работу (Б.Г. Юдин тогда занимал должность директора ИЧ РАН), о проекте «Развитие человеческого потенциала» в Парфеньевском районе Костромской области, в разработке которого самое деятельное участие принимал Я.В. Чеснов, об истории совместной экспедиции в этот район. Поделится он и бытовыми, человеческими воспоминаниями о Я.В. Чеснове.

На этом работа чтений была П.Д. Тищенко завершена.